

УДК 811

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-1-53-59

Д.С. Цахуева

Особенности употребления терминов родства в роли обращений в русской лингвокультуре

*ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный аграрный университет»; Россия,
367032, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 180; dianchik55@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям функционирования терминов родства в роли обращений в русской коммуникативной практике. Речевые формулы обращений выступают репрезентантами этноспецифических особенностей. Культура русского обращения на протяжении исторического развития претерпевала серьезные изменения, которые были связаны с революционным и перестроичным периодами. Сегодня в русской лингвокультуре отсутствует универсальная формула обращения, представленная в большинстве европейских языковых сообществ. Наиболее употребительными являются термины родства – особая группа языковых единиц, которые составляют наиболее древний и основной пласт лексики и служат для номинации родственных связей. Представленную в русской языковой системе вариативность обращений к незнакомым людям, основанную на терминах родства, можно назвать этноспецифической особенностью русской коммуникативной культуры, поскольку даже в близкородственных языках аналогичное разнообразие не встречается. В качестве источника фактического материала использован Национальный корпус русского языка.

Ключевые слова: обращение, вокативы, русский язык, термины родства.

Обращение – важный элемент коммуникации, но отдельные аспекты, связанные с его исследованием в современной лингвистике, до сих пор остаются дискуссионными. В частности, спорными являются вопросы относительно статуса обращений с позиций морфологии (функцию вокатива могут выполнять различные части речи) и синтаксиса (обращение может быть автономным или быть частью предложения).

Под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь» [7, с. 304].

Изучению речевого поведения в разное время посвящали свои работы такие отечественные лингвисты, как Т.Г. Винокур, Н.И. Формановская, А.М. Пешковский, Л.П. Ступин, Т.В. Ларина и др. А в последние десятилетия исследование речевых формул стало осуществляться и в русле лингвокультурологии. Это естественно, поскольку взаимосвязь языка и культуры обнаруживает национально-культурные особенности, которые находят отражение и в речевых формах обращения.

В каждой языковой картине мира представлена своя система специальных формул, выбираемая из обширного коммуникативного арсенала в зависимости от экстралингвистических факторов, к которым относятся характер общения, степень знакомства участников коммуникации, коммуникативный фон, место и время, социальные роли, статусы, гендер и возраст коммуникантов и пр. Речевые формулы обращений выступают репрезентантами этноспецифических особенностей, поскольку культурноязыковая классификация этикетных речевых формул обусловлена такими параметрами, как вежливость, норма, трафаретная точность, этикет, тональность.

Обращение полифункционально, его основные цели – это призыв, установка контакта, побуждение к действию, репрезентация различных эмоциональных состояний: радость, восторг, оскорбление, гнев, упрек, сарказм или ирония.

Культура русского обращения на протяжении исторического развития претерпевала серьезные изменения, которые были связаны с революционным и перестроечным периодами. В настоящее время предпринимались малоуспешные попытки вернуть в речевую практику такие активно бытовавшие в прошлом обращения, как *сударь, сударыня, господин, госпожа, товарищ*. Но в современном дискурсе они выглядели не только неестественно, но и подчас комично, что иногда использовалось адресантами намеренно как стилистический прием:

Какая такая любовь, скаже мне, друзья-товарищи-господа? [Олег Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI // «Ковчег», 2012];

Вот стою, мол, я голый. Но все не просто, **товарищи-господа**. Мне бы с ходу, ветром залететь за занавеску и рвануть краники, и вытерпеть любой напор и температуру, но нет, люди хорошие, нет. [Галина Щербакова. Подробности мелких чувств (2000)].

Таким образом, сегодня в русской лингвокультуре отсутствует универсальная формула обращения, представленная в большинстве европейских языковых сообществ. Русское обращение вариативно, многозначно и многофункционально.

Как показал анализ фактического материала, наиболее употребительными в русской лингвокультуре являются термины родства – особая группа языковых единиц, которые составляют наиболее древний и основной пласт лексики и служат для номинации родственных связей. Они отражают особенности семейной иерархии, шкалу семейных ценностей и принятые в социуме нормы общения, а также передают эмоциональное состояние говорящего, его отношение к адресату и пр.

Наиболее частотными среди терминов родства оказались обращения детей к родителям – *mama* и *papa*. Приведем контекст употребления (все примеры в статье взяты из Национального корпуса русского языка [<https://ruscorpora.ru>]):

А гладиаторы – это такие отопительные батареи...

– **Мама**, а откуда берутся дети? – Ты знаешь, это очень длинная история, я тебе ее как-нибудь потом расскажу. [С улыбкой // «Даша», 2004].

Татьяна вскочила со своего кресла: "Мама, ты чего?" [Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)].

Но это было настолько моим переживанием, что я не решился спросить у папы: "Папа, что это с тетей случилось?" [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)]

– Нет, **папа**, я выйду за него замуж, потому что люблю. [Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурилка», 2002].

Встречаются и такие усеченные варианты обращений, как **ма**, **па**:

– Говорила, говорит! – зычно воскликнул он, возмущенно махнув на ходу бутылкой. – **Ма**, что ты гонишь? Опять под клаву косишь? [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый мир», 2001];

– **Па**, а ты мне новую книжку Гарри Поттера принёс? [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть вторая // «Волга», 2015].

В русском дискурсе нередки сочетания лексем *mama* и *papa* с личными именами:

Правда, кажется, без пап – мелькают изредка редкие мужские фигуры, но все интервью в фильме с мамами: **мама Марина, мама Наташа, Оля, Вика...** [Марина Топаз. Мамы по конкурсу. Детские деревни «Спасите наши души» (2002) // «Известия», 31.07.2002];

– Мой папа Вова? – ясным голосом спросила Таня. [С. Е. Каледин. Поп и работник (1991)].

Система русского языка демонстрирует богатый арсенал эмоционально-экспрессивных обращений к родителям. Часто уменьшительно-ласкательные вокативы встречаются в детской речи, но могут быть использованы и в отношении посторонних:

– Мамуся, – закричал тонкий детский голосок, – ну где же ты? [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)];

15 февраля 1943 г. Здравствуй, моя дорогая мамуська. Мама, как-то и не верится, что скоро мне стукнет двадцать, пол бабьего века. [Эд. Поляновский. Ожидание счастья. Дневники и письма военного фельдшера Татьяны Атабек. 1941–1945 (2002) // «Известия», 21.06.2002];

Его постоянным выражением было: "Нам не везет, мамка ", – которое он произносил, обращаясь ко мне, с болезненной, печальной нежностью и вместе с тем твердо, насколько это удавалось его душевно слабой натуре. [Марина Палей. Поминование (1987)];

Для неё сон её чада – святое! – Мамуля, что случилось? – Т-с-с! – мама вытирает слёзы, – радио слушай! [Владимир Ланг. Калейдоскоп детства // «Ковчег», 2013];

– Да не переживайте так, мамания моя дорогая! [Аркадий Мацанов. Мастер и подмастерье (2016) // «Ковчег», 2015];

– Папочка, я тебя прошу, ни о чем не думай, не расстраивайся! [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)];

С тем же успехом он мог бы сказать: «Президент на проводе!» – и при этом, повторите, никто бы не усомнился. – Привет, папуль. Как поживаете? [Татьяна Сахарова. Добрая фея с острыми зубками (2005)];

Ах, папулька-катапулька, Ты вставаешь или нет? [К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965)];

– Мы, папуся, тебя всё ждали, озябли! – выдала Милка. [Н. И. Позняков. На волоске. Святочный рассказ (1896)].

Обращение матушка в русском языке несколько устарело. Раньше так почтительно-ласково обращались к матери, но сегодня данный вокатив может носить и грубовато-ироничный оттенок:

Доктор и говорит: так, мол, и так, не все, конечно, ясно, но, судя по всему, дела у вас обстоят неважно, скорее всего, у вас, матушка, онкология... [Фальшивая панацея // «Криминальная хроника», 06.10.2003];

А ты, матушка, неблагодарна, – сказал я. – Я изнуряю мозг, занимаюсь черной работой, перевожу всех подряд – для чего? [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)].

Вокатив матушка используется также при обращении к монахине, матери-настоятельнице:

– Это матушка Екатерина распорядилась, – пояснил Зубр, – насадить вдоль дорог березы, чтобы путники не сбивались. [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

В научной литературе отмечается, что термины родства «метонимически легко переносятся» на незнакомых лиц [6, с. 189], и такие обращения, как мать и отец, могут быть использованы для обращения к незнакомому взрослому человеку:

Первым заподозрил неладное Слава. – Мать, иди посмотри! По-моему, Машка кого-то в дом привела, – высказал он свои соображения Татьяне Николаевне. [Ольга Демьянкова. Вот, например // «Столица», 06.10.1997].

– На предмет починки двери, **отец**, – бодро отрапортовал я. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001].

В русской семейной традиции к детям обычно обращаются по имени. Обращения **дочь** и **сын** и их уменьшительно-ласкательные производные, как показывает анализ фактического материала, сравнительно ограничены:

Вы мне еще будете целовать ручки, что я вам привел – таки настоящего журналиста, а не какого-то шлимазла. **Дочь**, иди сюда! Редактор, ошеломленный натиском, взял Элю внештатным корреспондентом и дал задание: написать что-нибудь такое... эдакое... в общем, на злобу дня. [Ирина Левитас. На горах бальзамических // «Дальний Восток», 2019];

– Нагнись ко мне, **доча**, – сипя, попросила больная, – хочу у тебя спросить. [И. Грекова. Перелом (1987)];

– Ты мне скажи, **дочка**, как на духу: долго мне на этом свете маяться? [И. Грекова. Перелом (1987)];

При виде его всегда забивалась в угол. – Да ты не бойсь его, **дочурка**. Ета хороший человек. [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)];

– Собирайся, **сын**, утром раненько выходим, снасть пойдем проверять! [Владимир Василиненко. Повелительница речных глубин, или Исповедь амурского браконьера // «Дальний Восток», 2019];

Мать, стоя спиной к радиоприемнику, выдавила испуганное: "Эдик, **сыночек**, Сталин умер!" [Эдуард Лимонов. У нас была Великая Эпоха (1987)].

Лексемы **брать**, **сестра** и их дериваты могут использоваться не только при обращении к родственнику, но и к работнику/работнице мед учреждения, а также как дружеское, приветливое обращение к юноше/мужчине, девушке/женщине:

Ну извини, **брать**, извини, **сестра**... тогда переедем в славный город Павлов Посад. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

А когда я кончаю, говорит:

– Ладно, давай спать, **братишка**. Я долго еще лежу в темноте, смотрю в окно на башню кирки, на стены и на Виктора, который притворяется спящим. [Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961];

Помрем мы с тобой, **братьец**, как пить дать помрем, а жить-то до чего охота! [И. Грекова. Перелом (1987)];

– Эх, брат, брат, – повторил Яков и слегка поворотил ему волосы. – Эх, **братьевник** ты мой знаменитый! [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)];

А ну, **сестренка**, отнимем все у них, тебе питаться, расти надо, а им не надо. [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001];

– **Сестрица**, милая, ну скажите мне, скажите, пожалуйста, что я говорила, выходя из наркоза? [И. Грекова. Перелом (1987)];

Согласно русской коммуникативной культуре вокативы **дядя/дядька/дяденька** и **тетя/тетька/тетенька** используются младшими при обращении к любым взрослым мужчине и женщине:

И уже после первого выступления ко мне подошел мальчик и сказал: "Дядя, зачем ты оделся в эти страшные вещи и называешь себя Дедом Морозом?" [Светлана Ткачева. Новый год и звезды // «100 % здоровья», 11.11.2002];

– Бежать? **Дядька**, вы не партизаны?! Вы не партизаны! – вдруг, захлебнувшись плачем, закричал парень, словно поняв что-то. [Василь Быков. Болото (2001)];

Холмогоров только и вымолвил: "Дяденька, а вас как хоть зовут?" [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001];

А он говорит, вы чего, **тетя** Наташа, со вчерашнего вечера пустили. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

Эх, **тетька** ты, **тетька**... И кто ж тебя такую... возлюбил? [Л. Н. Разумовская. Владимирская площадь (1990–1999)];

— Пытаюсь встать. — **Тетенька**, вам помочь? — спросил младший. Этакий милый! [И. Грекова. Перелом (1987)].

Русские нейтральные обращения бабушка и дедушка обнаруживают множественную вариативность: **баба**, **бабуля**, **бабулька**, **бабулечка**, **бабуленька**, **бабуся**, **бабуська**, **бабуня**, **бабунька**, **бабка**, **бабеняка**, **деда**, **дедуня**, **дедунечка**, **дедуля**, **дедулечка**, **дедуся**, **дедусенька**, **дедок**:

Мальчишка, когда побойчее был, приставал к хозяйке: — **Баба** Итя, хосю люлю и ябоська. Никогда, в каком бы настроении ни была, но баловню своему не отказывала **баба** Итя, а ныне вот гладит его по головке и терпеливо толкует. [Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)];

— Ладно, я пойду. Спасибо за завтрак, **бабуля**. — На здоровье, внучек, — сказала бабушка и поцеловала Андрея в щеку. [Аристарх Ромашин. По приколу // «Дальний Восток», 2019];

— Что же ты молчишь, как немая, **бабуся**? [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)];

Вера накрыла котенка руками и завопила во весь голос: — **Бабулечка**, дорогая! Ну давай оставим котеночка! [Ольга Гришаева. Приходил Валерка Бородин // «Волга», 2012];

Открываются двустворчатые дверки, но там никого не было. — **Деда**, а почему там никого нет? — Где? — не отрываясь от работы, спросил дед. [Егор Куликов. Бельчонок // «Дальний Восток», 2019];

Самый, самый любимый! **Дедулечка**! — Ишь ты, какая хитрая. [В. П. Катаев. Дорогой, милый дедушка (1965)];

А то бы я мог задержаться. — Ты что, **дедуля**! — принужденно улыбнулась Мария. — Зачем тебе задерживаться? [Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // «Октябрь», 2009].

В свою очередь, русские бабушки и дедушки, обращаясь к своим внукам, часто используют и уменьшительно-ласкательные формы **внучек**, **внученька**:

Так-то, Аркаша, правнук, **внук**, сын русских демократов. [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996];

— Эх, если б молодость знала, если б старость могла!.. Спокойной ночи, **внучка**!

— Да, тогда и жить было бы неинтересно, — после паузы сказала Лина. [Андрей Житков. Кафедра (2000)];

— Ну что ты, что ты, **внученька**, раз ты так говоришь, так оно и есть, — пробормотал Отто Францевич, придирчиво изучая паспорт и сверяя фото с оригиналом. [К. А. Терина. Тот, кто делает луну (2015)].

По мнению специалистов, такие термины родства, как шурин, золовка, зять, деверь обнаруживают тенденцию к постепенному упрощению терминологической системы родства, утрате многих различий по мере того, как снижается социальное значение самих родственных отношений за пределами семьи [9, с. 8].

Интересно, что русские обращения нередко используются в сочетании с местоимением мой, в таком контексте они могут менять свои функционально-семантические характеристики, актуализируя религиозный подтекст. Т. е. такие обращения, как отец

мой, сын мой, дочь моя, брат мой, сестра моя часто подразумевают духовное родство – родство во Христе:

Приготавляющий лекарства делает из них смесь, и занятия его не оканчиваются, и чрез него бывает благо на лице земли. **Сын мой!** В болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя [митрополит Антоний (Блум). О болезнях (1995)];

А он, завившись столбом, исчез в небе, как божий дух». «**Дочь моя!** Да благословит тебя бог! – сказала Мария Андреевна, всю жизнь, и в школе и вне школы, занимавшаяся антирелигиозным просвещением. [В. О. Авченко. Фадеев (2017)];

– Я ваше лекарство, ваш яд и морфий. Выпей мою цену, **отец мой**. Тройняшки изобразили на сцене несколько живых пирамид, подобных тем, что так любили изображать наши родители, а после исчезли во внезапно открывшихся люках. [Олег Селедцов. Танго с феминистками // «Ковчег», 2013].

Представленная в русской лингвокультуре возможность использовать различные термины родства для обращения к незнакомым людям является этноспецифической особенностью русской коммуникативной культуры, поскольку даже в близкородственных языках такая вариативность не наблюдается. В таких речевых кейсах в вокативах сема «родственник» нейтрализуется, а основной выступает гиперсема «человек» и семы «пол», «возраст», «поколение», «оценка».

Литература

1. Айазова З.Г., Гасанова М.А. Лингвокультурологическая специфика обращений в лезгинском и китайском языках // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 36, вып. 2. – С. 105–111.
2. Алиева С.А., Гаджиахмедов Н.Э. Особенности обращений к лицу в русском и кумыкском языках (на материале терминов родства) // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 1 (74). – С. 360–363.
3. Гаджиахмедов Н.Э., Мусаева Т.М., Самедов Д.С. К вопросу о приветствиях в разных коммуникативных культурах // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 3. – С. 66–69.
4. Гасанова М.А. Лингвокультурологический анализ терминов родства в табасаранском и русском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3 (32). – С. 135–139.
5. Гориунов Ю.В. Сокращения, обозначающие термины родства и обращения, используемые в семейном кругу // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 2. – С. 130–136.
6. Качинская И.Б. Термины родства и животный мир (по материалам архангельских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. Институт лингвистических исследований РАН. – СПб., 2011. – С. 175–193.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
8. Ратушная Е.Р., Колобова М.А. Семантика обращений к детям в русском семейном дискурсе // Актуальные проблемы филологии: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. Е.Р. Ратушная. 2018. – С. 95–100.
9. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре. Сер. "Библиотека Института славяноведения, 16" Российская академия наук, Институт славяноведения и балкани-

стики, Отдел этнолингвистики и фольклора / отв. ред.: С.М. Толстая. – М., 2009. – С. 7–22.

*Поступила в редакцию 18 августа 2023 г.
Принята 10 сентября 2023 г.*

UDC 811

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-1-53–59

Peculiarities of the Use of Kinship Terms as Terms of Address in Russian Linguoculture

D.S. Tsakhueva

Dagestan State Agrarian University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 180; dianchik55@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of the functioning of kinship terms as addresses in Russian communicative practice. Speech formulas of address represent ethnosppecific features. The culture of addressing in Russian has undergone serious changes throughout its historical development, associated with the revolution and perestroika periods. Today, the Russian linguistic culture lacks a universal formula of treatment, represented in most European language communities. The most commonly used terms are kinship terms – a special group of linguistic units that make up the most ancient and basic layer of vocabulary and serve to nominate kinship ties. Russian linguoculture's variability of addresses to strangers, based on kinship terms, can be called an ethnosppecific feature of Russian communicative culture, since even in closely related languages a similar diversity is not found. The research has been performed using the National Corpus of the Russian Language as a source of factual material.

Keywords: address, vocatives, Russian language, kinship terms.

Received 18 August, 2023

Accepted 10 September, 2023